

лись между собой: в то время как один крал, другой сторожил.

Как-то раз зашли они вдвоем к одному портному (порознь они почти никуда не показывались) заказать ему куртку. Постреляв глазами во все стороны, они не могли найти у него никакой пригодной дичи. Один из них заметил лишь довольно хорошие ножницы и, кивнув головой, сказал своему товарищу, стоявшему к ним поближе, по-латыни: «Ассире». Товарищ отлично понимал это слово и умел прилагать его к делу. Он тихонько взял эти ножницы и сунул их под плащ. Портной, беседовавший в это время с кем-то на улице, слышал слово ассире, но так как он нигде не учился, то ни о чем не догадался, пока после ухода школяров не хватился ножниц. Убедившись, что они пропали, он крайне удивился и стал припоминать всех, кто заходил в его лавку. Он сразу же заподозрил этих двух молодцов и, вспомнив их поведение, вспомнил также и слово ассире, которое еще более усилило его подозрение.

В это время в лавочку зашел один посетитель, и портной, рассказав ему о происшествии с ножницами (которые не выходили у него из головы, как у Робена флейты²⁶⁴), спросил его:

– Сударь, что значит слово ассире?

Посетитель ему ответил:

– Друг мой, это слово хорошо понимают женщины. Ассире значит «прими».

– Ах ты господи (я полагаю, что он помянул тут черта)! Если ассире значит «прими» – мои ножницы пропали.

По крайней мере, они сильно заблудились. В этом не может быть сомнения.

Новелла ХС

О хитрости, к которой прибег один муж, задумавший отомстить неверной жене

Многие думают, что если жена обесчестит своего мужа, то муж должен наказать за это прежде всего жену, а не любовника, и полагают, что для устранения зла необходимо сначала устранить его причину, согласно итальянской пословице: «Morta la bestia, morto il veneno».²⁶⁵ По их мнению, мужчины делают лишь то, на что их вызывают сами женщины, и редко идут туда, куда их не привлекает ласковый взор, приветливое слово или какая-нибудь другая приманка. С своей стороны, я охотно доставил бы женщинам удовольствие, взяв их под свою защиту, но боюсь, что если я вздумаю ссылаться на их слабость, то большинство из них осудит меня и даже самые уступчивые из них будут мне возражать: «Меня толкает на это не мое легкомыслие, а достоинства мужчины, и ради них я готова доставить ему все удовольствия, какие только могу. Любовь такого мужчины делает меня гордой и счастливой». И действительно, эти доводы почти неопровержимы. Они могут поставить в затруднение любого мужа. Правда, если он считает себя честным и добрым мужем, он имеет полное право отстаивать свою жену, но если совесть говорит ему другое, он не имеет, мне думается, больших оснований порицать ее и запрещать ей любить того, кто ей нравится. Мне даже скажут, что он и не может, и не имеет никакого права запрещать своей жене любить добродетель и добродетельных мужчин. Но не нужно лишь смешивать душевные качества с телесными, плотскими качествами, и в подобных случаях простительно лишь духовное, а не плотское сближение, вроде, например, того, о котором говорится в песне:

*Пастух с пастушкой забавлялись
Под сенью сладостной ветвей,
В объятьях тесных укрывались
От любознательных очей.*

Оправдывать женщин тем, что у них нет сил устоять против подарков, которые им преподносят поклонники, это значит делать им гнусное, подлое и отвратительное обвинение. Скорее даже наоборот, женщины, у которых алчность одерживает победу над сердцем, хотя подарки и представляют собою самое сильное оружие, заслуживают сурового наказания. Но чем же можно их

²⁶⁴ Возможно, имеется в виду герой известной средневековой пьесы-пасторали «Игра о Робее и Марион» Адама де Ла Аля (конец XIII в.), исполнявшейся с песнями и музыкальным сопровождением.

²⁶⁵ В могиле гад, в могиле яд (*ит.*).